* * *

Не спится до утра... Как мысли успокоить?
Как пережить веков, тысячелетий боль?
Сползают малыши, причмокивая, с коек,
Луна над головой выкругливает ноль!
Кто жил, тот пережил рассудка упоенье,
Невидимых молекул безмерный кругозор.

Я падаю, смотри, на острые колени
Перед тобой, кто первый
Булыжник сбил в топор!

Во мне еще живут инстинкты диких джунглей,
Волнение морей, паренье странных птиц.
И тлеют по ночам сырых стоянок угли,
И пробегают тени неповторимых лиц.

Я, может быть, из тех – безвинно осужденных!
А может быть, из тех, кто на погибель вел?
Из праха одного и я, и ночь, и клены,
И рыба в Сырдарье, и в Кракове костел.

Начало у меня, как у всего, – простое.
Я тоненькой тычинкой по космосу кружил.
Не спится до утра! Как мысли успокоить
И прошлую вместить, и будущую жизнь!

ПОСЁЛОК ПОЛУНОЧНЫЙ

В почтовом отделении тоска,
В углу пылится старая двухверстка,
А за окном горланисто и хлестко
Трепещет знамя, аж у самых скал...

Я из тайги сюда на полчаса.
Знакомая сидит телефонистка:
– Алло, Москва, алло – ответь, Москва, –
Рвет расстоянье голос ее низкий.

Но подвела «устойчивая связь»,
Молчит в Москве уютная квартира.
Там, как у нас, наверно, правит грязь,
А на душе и холодно, и сыро.

Ну, кто там режет проводную сеть?
Ну, кто с тайгой боится слово молвить?

– Алло, Москва! Москва, алло... Ответь...
Доколе вопрошать тебя, доколе?!

БЫТИЕ И СМЫСЛЫ

В комнате усталые предметы.
Стол, хотя бы. Он, как пень, осел
От вина, тетрадей, винегретов,
От моих локтей – я домосед!
А дверная ручка?! Боже правый,
Как она еще не отошла!
То ее налево, то направо,
То на ней пальто, а то бушлат.
Стулья спят. Они давно похожи
На фигуры загнанных друзей.
Их бы обтянуть приличной кожей
И – в анатомический музей...
Не возьмут? Тогда на слом. На свалку!
Почему ты вздрогнул? Почему?
Стол устал – ха-ха! Неужто, жалко?!
У него невыносимость мук?
У него мигрени в непогоду?
И не спится, коль стучит беда?!
Тишина. Но кто-то хриплым горлом
Отчеканил, как отрезал: «Да!»

* * *

Напластовано время
В объемистых трюмах вселенной.
Штабелями эпохи.
И пахнет мышиной семьей.
Там упала секунда,
Тут сутки торчат,
Как поленья,
Где-то в самом углу
Утрамбовано детство мое.
Каждый миг здесь учтен.
А, представь-ка себе,

В этом миге –
Жизнь и смерть чья-нибудь,
Осторожность, а может, вина,
Бормотание зверя,
Деленье амеб и амфибий,
И незримая сила
Упавшего в землю зерна!

И кипение звезд.
Непонятный порядок галактик,
Свист пращи на охоте,
Прозренье, печаль и восторг,
Замирание взрыва,
Туман подвенечного платья,
Торг политиков хитрых,
Базарный нахрапистый торг!

Напластовано время.
Устали гигантские руки,
Перекур запрещен,
А работе не будет конца...
Посиди, отдохни,
Природы таинственный грузчик.
Дай мне пот утереть
С твоего неземного лица.

ПОЧТИ АПОКАЛИПСИЧЕСКОЕ

Скукожился двадцатый век!
Трясутся ветви старой вишни,
Под ней, как бог индийский Вишну,
Являет жизнь другой побег!
Скукожился двадцатый век...

А мы нисколько не спешим.
Нам за чертой столетья надо
Оставить на помин души
И нашу боль, и нашу радость.
И мы нисколько не спешим...

Пусть Троей станут наши дни
Для потрясенных поколений.
И, может быть, без мук и лени
Святое вычеркнут они.
И Троей станут наши дни...

Как слепок века, как тотем,
Как оскверненную награду,
Они, кривясь, откроют всем
И нашу боль, и нашу радость...
И будет осквернен тотем...

...Стремительней и круче бег.
Земную ось от тряски греет!
Пружиной выстрелило время –
Скукожился двадцатый век!

* * *

Отпрошусь у смерти на три дня
И приду к тебе, как встарь, небритый.
Может быть, уже и не родня,
Может быть, еще не позабытый.

Все равно – накрой наш старый стол,
Словно не было у нас с тобой разлуки.
Знаешь, я потом еще лет сто
Буду помнить эти твои руки...

И скажу: себя не бережешь!
Не читай мои больные строчки...
За окном в саду набухли почки,
Это правда! Остальное – ложь...

Счастье жить, какое счастье – жить!
И любить, любить тебя, не зная,
Что любовь у кромочки лежит.
Счастье здесь, а там – старуха злая...